№ 13-14(37-38)
Июль 1999

Право на свободу

Бюллетень Правозащитного Центра "Вясна—96"

Вне закона

С 20 июля Аляксандр Лукашэнка стал не просто бывшим первым президентом Беларуси и диктатором, а узурпатором власти

Все пять лет своего управления страной А.Лукашэнка только то и делал, что стремился с помощью своих указов, декретов, законов, референдумов уничтожить в Беларуси все беларусское: язык, историю, культуру, национальные символы, праздники...

За свою многострадальную историю Беларусь изведала немало трудных времен, но, пожалуй, ни один захватчик-пришелец не вел себя на нашей земле так нагло и агрессивно, как первый всенародноизбранный президент независимого государства Беларусь. Даже саму независимость своей страны он использовал для циничного торга с соседней Россией с целью выгадать для себя более легкое прохождение на российский "престол". Странно, но как уже неоднократно подчеркивалось, именно сам "главный интегратор" стал главной причиной того, что российские политики не пошли на объединение с Беларусью. Долгое время они делали вид, что не замечают (впрочем, ситуация мало изменилась и сейчас) многочисленных нарушений прав человека в Беларуси, не замечают, что в тюрьмах по сфабрикованным делам сидят узники совести, что режим Лукашэнка по существу стал выразительно авторитарным, что он жестко расправляется с любыми выступлениями оппозиции, что монополизировал электронные средства массовой информации, что ведет свою страну назад в коммунистический ад...

Однако получилось так, что и российские власти, и российская оппозиция оказались в одинаковой степени заинтересованы в том, чтобы не выпустить на российские просторы беларусского благодетеля. Не то, что б они боялись

(Продолжение на стр. 7)

Хроника

26 июня на городском рынке г.Орша сотрудниками милиции был задержан председатель Свободного профсоюза предпринимателей г.Орша и Оршанского района Аляксандр Сталяров. А.Сталяров распространял на рынке анкеты социологического опроса. В анкетах были вопросы: "Поддерживаете ли вы Свободный профсоюз?, "В какой форме вы готовы поддерживать его требования – митинги, забастовки, пикеты, деньги?", "Как вы считаете, улучшают или ухудшают экономическое положение Беларуси тесные контакты с Россией?", "Ваше отношение к идее президента Лукашэнка об объединении Беларуси и России в единое государство". Участковый инспектор рынка доставил задержанного А.Сталярова в городской отдел милиции, где ему сообщили, что его делом будет заниматься Комитет Государственной Безопасности. А.Сталярова отпустили, так как была суббота, а в субботу в КГБ – выходной день.

29 июня активисты Товарищества беларусского языка имени Францишка Скарыны в Михайловском сквере столицы Беларуси провели пикетирование под лозунгами: "Беларусский язык – в высшую школу!", "Остановить русификацию" и "Начни с себя – говори по-беларусски!". Во время пикета велся сбор подписей за открытие национального университета, а также против планов властей переименовать главную улицу столицы – проспект Францишка Скарыны. Последняя акция связана с тем, что президент Лукашэнка в одном из своих выступлений заявил, что проспекту, который раньше носил имя Ленина, а сейчас – беларусского первопечатника, который жил в 16-м веке, нужно дать "деполитизированное название", например — Победы...

(Продолжение на стр.14-15)

Поэты в неволе не живут?..

Председатель Союза беларусских писателей Уладзимир Някляев решил остаться на Западе

В истинность новости, что известный поэт, председатель Союза беларусских писателей, редактор "элитарного" журнала "Крыніца" Уладзимир Някляев, который поехал по творческим делам в Польшу, думает там остаться и собирается просить политического убежища, долгое время никто не хотел верить. И особенно те, кто знал У.Някляева прежде всего как литфункционера, приближенного к властям. По крайней мере, президент Беларуси А.Лукашэнка своих симпатий к знаменитому поэту-песеннику (на песнях которого прошла его молодость) никогда не скрывал. Стоит сказать, что и сам поэт руку дружбы, которую ему протягивали власти, не очень отталкивал, и даже получил из рук президента Государственную премию страны за прошлый год. Словом, казалось, что отношения поэта и властей были если не идиллическими, то близкими к этому. И тут такая весть: У.Някляев остается в эмиграции, в Беларусь не возвращается...

Уладзимир НЯКЛЯЕВ

Через несколько дней в газете "Народная воля" появилась статья У.Някляева, в которой он выступил с достаточно жесткой критикой известного борца с беларусскостью, вице-премьера правительства Уладзимира Замяталина и объяснил свою позицию. Из статьи следовало, что невозвращение У.Някляева из творческой командировки является результатом его давней борьбы с "серым кардиналом" и ближайшим советником А.Лукашэнка. У.Замяталин не мог простить поэту нескольких острых выступлений против его и его антибеларусской политики в области культуры, не мог простить, что председатель СПБ не стал прислуживать и подпевать властям, а проводил свою независимую политику, последовательно отстаивал интересы родной земли, языка, культуры, открыто выступал против интеграции с Россией... Однако путь борьбы У.Замяталин выбрал не политический: решил сделать из Някляева чуть ли не уголовного преступника. С конца прошлого года редакцию журнала "Крыніца" одна за другой начали посещать финансово-ревизионные комиссии с проверками. В конце концов, они "собрали" определенное количество нарушений "финансовой дисциплины", которые будто бы имели место в редакции. Някляеву сообщили в Варшаву, что собранного "компромата" как раз хватает на арест. И он принял решение пока остаться в Польше.

В конце июня в той же "Народной воле" было напечатано интервью У.Някляева, в котором, казалось, окончательно были расставлены все точки над "і". Процитируем выдержки из него: "Открыто по политическим мотивам у нас еще не сажают, — утверждает У.Някляев, — начинаются финансовые проверки, нужно человека подвести под статью, чтобы показать всем, что бунтует не человек, у которого есть свои взгляды, а уголовник... О возвращении домой пока не может быть и речи... Я сейчас плачу по собственным счетам. Плачу расставанием с родными, с друзьями... Плачу за приближенность к власти, за иллюзии..."

Для властей желание известного поэта и председателя СПБ остаться в эмиграции, безусловно, стало ударом ниже пояса. Внезапно, неожиданно. Но, к их чести, опомнились они довольно быстро и повели умную игру с поэтом. Во-первых, подвластным средствам массовой информации был отдан приказ не печатать никакого "негатива" на Някляева; во-вторых, в Польшу один за другим поехали "гонцы" с целью уговорить его вернуться на родину "под честное слово" У.Замяталина, что уголовное дело против него возбуждено не будет. И похоже на то, что что-то сдвинулось, так как У.Някляев неожиданно прислал в Союз писателей факс, в котором сообщил, что продлевает еще на месяц свой отпуск в Польше с целью поправить здоровье... Словом, на сегодня окончательного подтверждения, что поэт остается на Западе, пока что нет. Впрочем, причиной этого скорее всего может быть не определенная нерешительность У.Някляева, а то, что о своем решении попросить политического убежища в Польше он заявил не сразу при пересечении границы, как того требует закон, а почти через неделю после этого.

Понятно пока одно: возвращаться поэту под самые красивые обещания властей небезопасно. Знает это и он сам. В том же интервью "Народной воле" он сказал: "Я хотя и болен, но не на голову. Винникава (председатель Нацбанка, которая почти через полтора года после ареста за "финансовые нарушения", которые прокуратуре так и не удалось доказать, пропала из-под стражи "без вести" – *ред.*) находилась за границей, когда было принято решение об ее аресте. Ей передали весточку: ну, что ты, Тамара, мы тебя любим, ценим, ждем не дождемся, ты у нас тут кандидат в премьер-министры. Она вернулась, и сейчас ее нет нигде..."

Алесь ЧАС

Госкомпечати держит "Имя" под прицелом

В конце июня предупреждение от Государственного комитета по печати получила редакция независимой газеты "Имя". Это уже второе проявление пристального внимания к редакции властей с начала текущего года. Первый раз Госкомпечати предупредил "Имя" в середине февраля за статью главного редактора Ирыны Халип о выборах президента Беларуси 16 мая.

На этот раз причина недовольства чиновников – репортаж под названием "Фестиваль, похожий на "Кинотавр". В материале утверждается, что во время проведения кинофестиваля российский город Сочи посещал без лишнего шума президент Беларуси. Участники "Кинотавра" из числа российской интеллигенции, по словам автора газеты "Имя", собирались при появлении на фестивале никем не приглашенного, но известного своим нахальством Лукашэнка дружно покинуть зал. Госкомпечать Беларуси не берется оспаривать степень "уважения" интеллигенцией (в том числе российской) руководителя нашего государства. Госкомпечать настаивает на такой версии событий, что Лукашэнка не ездил в Сочи вообще.

Главный редактор газеты и автор упомянутого репортажа Ирына Халип сообщила, что имеет доказательства и свидетелей, которые подтверждают изложенные в материале о "Кинотавре" факты. Госпожа Халип не исключила в нашей беседе возможности обращения редакции в суд. Отметим, однако, безрезультатность последних попыток редакций демократических изданий судиться с Госкомпечати. Иск "Имени" могут даже не принять, зато два предупреждения за такой короткий срок оставляют газете "шанс" вскоре быть закрытой властями. Напомню, что в подобном положении находится еще одно независимое издание – газета "Навіны". Согласно действующему Закону "О печати и других СМИ", при получении редакцией двух предупреждений в течение года выход в свет печатного органа может быть "приостановлен".

Тацяна СНИТКО

Михаил Пастухов: "Срок полномочий президента Беларуси закончился 20 июля..."

Михаил Пастухов – бывший судья Конституционного суда Республики Беларусь. Когда в конце ноября 1996 года стало понятно, что попытка импичмента президенту Лукашэнка закончится поражением, судья Пастухов принципиально остался при своем "особом" мнении. Сейчас Михаил Иванович возглавляет Фонд правовой поддержки СМИ. Но наша беседа накануне 20 июля касалась не проблем свободы слова в Беларуси, а методов, благодаря которым Лукашэнка удалось продлить себе срок президентства.

Михаил ПАСТУХОВ

— Михаил Иванович, заканчивается срок полномочий первого президента Беларуси. Но Лукашэнка с этим не согласен и с президентской должности уходить не собирается. Согласно беларусскому законодательству, какой механизм перехода власти предусмотрен в подобной ситуации, какими нормативными актами он определен?

— Согласно Конституции Республики Беларусь, принятой 15 марта 1994 года, срок полномочий президента определен однозначно и точно – пять лет. Об этом говорится в статье 97. Причем этот срок отсчитывается с момента принесения президентом присяги, в которой он клянется "служить народу Республики Беларусь, выполнять Конституцию и законы Республики Беларусь". Всем известно, что первый президент Республики Беларусь, вступая на пост, принес присягу 20 июля 1994 года. Значит, срок его полномочий должен закончиться ровно через пять лет – 20 июля текущего года. И Конституция 94-го года не предусматривает увеличения срока полномочий президента ни при каких обстоятельствах. Эти же положения подтверждаются в Законе "О Президенте Республики Беларусь", принятом в марте 1994 года.

Согласно новой редакции Конституции, президент Республики Беларусь сохраняет свои полномочия. Срок его полномочий отсчитывается "со дня вступления в силу данной Конституции". В таком случае встает вопрос: а какая у нас Конституция "данная"? Юристы президента, которые готовили новую редакцию Конституции, исходили из того, что все же это не новая Конституция, а всего только изменения и дополнения в Конституции 1994 года. Это значит, основной Конституцией остается Конституция 94-го года. Даже в такой неудачной формулировке новой редакции Конституции получается, что срок президентских полномочий не увеличивается. Хотя, с другой стороны, в одной из статей есть слова в скобках, что именно новая редакция и есть "данная". Таким образом, получается некоторое двоечтение...

— Да, но если посмотреть на статью 144 – там не указан точный срок полномочий президента. Ни пять лет, ни семь, ни десять...

— Целиком резонно. Это значит, что срок полномочий остается прежним – пять лет. Кроме того, нужно отметить, что "Заключительные переходные положения" не являются сложной частью Конституции. Обычно принимается закон о порядке вступления в силу Конституции. Как это было, например, при принятии Конституции 94-го года, когда законодательный орган власти подтверждает, что таким образом вступает в силу этая Конституция. Особенность "принятия" новой редакции Конституции заключается в том, что она даже не была утверждена Верховным Советом. Она была утверждена президентом. Есть так называемый Закон "О республиканском референдуме 24 ноября 1996 года в Республике Беларусь" – "закон" от 26 ноября, в тот день он подписан президентом. Сто три депутата Верховного Совета, собравшись в администрации президента, констатировали, подтвердили, что "24 ноября в Республике Беларусь состоялся обязательный республиканский референдум". Но это никакое не решение. Что значит подтвердить? Верховный Совет должен утвердить результаты референдума – этого не было. Что тоже ставит под сомнение результаты того референдума. Вот бюллетень для голосования на республиканском референдуме, в котором в замечании просто сказано, что "в соответствии с заключением Конституционного Суда от 4 ноября 1994 года референдум с голосованием по вопросам изменений и дополнений Конституции может носить только рекомендательный характер". Это значит, что все граждане Беларуси голосовали именно за поправки Конституции как всего только рекомендации, которые в дальнейшем должны были быть приняты за основу Верховным Советом и в установленном порядке приняты. Но, тем не менее, это положение было грубо нарушено. Зафиксировано и множество других нарушений, допущенных накануне, во время и даже после референдума, что, на мой взгляд, позволяет утверждать: результаты референдума являются с правовой точки зрения никчемными, им нельзя верить, как и следствие этого – нельзя признавать в качестве легитимной новую редакцию Конституции, в соответствии с которой будто бы продлены полномочия президента Республики Беларусь.

— Мне кажется, что перед тем референдумом, когда проект Конституции обсуждался, немногие обратили внимание на возможное продление срока полномочий президента. На фоне других нарушений это, наверное, казалось какой-то мелочью?

— Я согласен с вами, что мало, наверное, нашлось людей, даже юристов,- которые почитали эту новую редакцию Конституции. И я не исключаю, что разработчики этой Конституции могли вносить и поправки, и какие-то еще изменения и после того, как был предложен проект Конституции. Это еще одно свидетельство того, что граждане голосовали неосмысленно за новую редакцию Конституции.

— Что происходило в ноябре 1996 года за стенами Конституционного Суда (фактически, мы все видели только внешнюю сторону событий)?

— Понятно, и в Конституционном Суде ощущалась та напряженная обстановка, которая сложилась в то время в стране. Действия президента привели к тому, что созрели уже и фактические, и правовые основания для того, чтобы поставить и решить вопрос об импичменте. И 19 ноября утром Юры Захаранка принес нам в Конституционный Суд, в приемную председателя Валерыя Цихини заявление-обращение 73 депутатов Верховного Совета, которые предложили Конституционному Суду рассмотреть вопрос о нарушении президентом Республики Беларусь Лукашэнка Конституции Республики Беларусь.

В это время мы находились в приемной вместе с одним из судей. Мы

(Продолжение на стр. 4-5)

“Срок полномочий президента Беларуси закончился 20 июля...”

(Начало на стр. 3)

хотели зайти к председателю, но помощник никого не пускал к нему. На наш вопрос, кто у него там, он отвечал: “Старый друг”. Мы приходили, уходили, где-то полтора часа мы не могли попасть к председателю. Это был беспрецедентный случай, поскольку по делам мы всегда имели доступ – “зеленую улицу”! – на прием к председателю. В конце концов мы зашли, набравшись наглости, к председателю суда. Когда мы вошли, председатель разговаривал с худощавым мужчиной с мобильной связью. Сказал: “Все вопросы потом,” – и куда-то спешно ушел вместе с этим мужчиной. Мы узнали буквально через десять минут от корреспондентов, что руководитель Конституционного Суда пошел на встречу с президентом. Где-то через час он вернулся, собрал всех судей Конституционного Суда, сказал, что у него была встреча с президентом. И что президент его просил подождать три дня – он будет думать над тем, что, может быть, отзовет свой проект Конституции с обсуждения на референдуме. И просил судей, чтобы они встретились еще раз с президентом.

Некоторые судьи, в том числе и я, категорически заявили, что мы встречаться с президентом не будем в то время, когда поступило предложение о его отлучении от должности. Что это недопустимо ни с каких позиций. Но, тем не менее, председатель суда собрался встречаться с президентом еще раз – после его возвращения из одного из беларусских городов, где президент проводил активную пропагандистскую кампанию в поддержку референдума – и просил судей не расходиться. Ждали мы в тот день приблизительно до восьми часов вечера. В это время я заметил у некоторых судей копии подписей депутатов под обращением в Конституционный Суд. Их уже размножили и роздали судьям. Для меня это было неожиданно, поскольку накануне была договоренность с председателем суда, что эти подписи будут находиться у него в сейфе. Однако документы пошли уже гулять по Конституционному Суду.

Вечером возвратился председатель Конституционного Суда, собрал судей и сказал, что президент просил его до пятницы это дело не рассматривать. И он, возможно, еще отзовет свой проект Конституции с референдума.

— Три дня отсрочки?

— Да. И председатель КС дал президенту эти три дня. Но тогда же по настоянию большинства судей дело об импичменте было возбуждено. Были назначены три судьи-докладчика, одним из них был я. Мы настаивали на том, что дело должно быть рассмотрено безотлагательно, буквально на следующий день. Однако председатель суда сказал, что он дал слово президенту, и раньше 22 ноября суд не сможет рассмотреть заявление депутатов об импичменте. Так как это дело чести председателя суда. С ним пришлось согласиться. Началась подготовка к рассмотрению дела. Были сделаны запросы в соответствующие учреждения, приглашены эксперты, многочисленные свидетели, которые могли дать существенную информацию по делу. В частности, о фактах нарушений Конституции и законов указами президента. Но на следующий день, как нам стало известно, подписи депутатов, которые обратились в Конституционный Суд, были переданы в администрацию президента. И в администрации началась небывалая кампания давления на депутатов, которые поставили свои подписи. Их вызывали, использовали компромат, им угрожали. Использовались всевозможные методы. В результате к 22 ноября где-то 11-12 депутатов написали заявления об отзыве своих подписей. Подписывал эти отказы от подписей Юрый Малумав, заместитель председателя Верховного Совета, который в то время находился в больнице и не имел такого права. Председатель ВС Сямён Шарэцки и другие его заместители не стали этого делать. И депутаты-“отказники” приносили судьям-докладчикам свои отказы, заверенные Малумавым, даже без печати Верховного Совета. В принципе, я имею фамилии тех депутатов, но это не так важно, так как они подвергались очень жесткому давлению.

Такому же давлению подвергались и судьи Конституционного Суда. Нам звонили из Администрации, к нам делали подходы знакомые, предпринимались другие меры воздействия. У нас в здании внизу вместе с милиционером расположили сотрудника КГБ, который записывал всех, кто приходил в суд. Думаю (и даже уверен), что наше здание, наши телефоны прослушивались, так же как и комнаты для служебных заседаний. В таких условиях, конечно, трудно было ожидать, что Конституционный Суд может вынести решение о нарушении президентом Конституции.

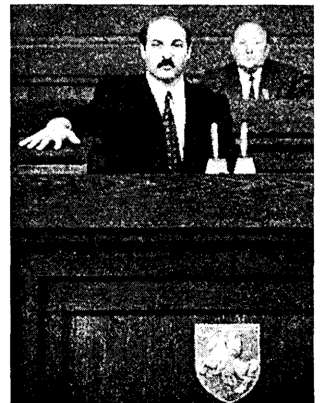
Тем не менее, 22 ноября утром, в половине десятого, мы собрались, чтобы начать судебный процесс. Уже многие были в мантиях. Однако за полчаса до процесса председатель суда срочно собрал заседание. Он вернулся с той ночной встречи, где было подписано соглашение об общественно-политической ситуации в Беларуси и конституционной реформе. Председатель сказал, что подписан долгожданный мир – мирный договор между президентом и парламентом, что сейчас мы решим проблему импичмента “мирными средствами”, не нужно будет рассматривать дело. Но ряд судей, в том числе и я, сказали: “Почему мы не можем начать процесс? Мы обязаны сделать это, если собрались участники процесса, должны вынести решение”. Председатель суда распорядился через помощника сказать, что заседание суда откладывается до двух часов. Были возмущены депутаты, представители Верховного Совета. Он им объяснил то же самое, что и судьям. Что это мир, что не будет кровопролития, и что за сегодняшний день депутаты должны утвердить эту договоренность и программу выхода из конституционного кризиса. И отозвать свои подписи. Однако и до двух часов дня своих подписей никто не отозвал, письма не было, и было снова отложено заседание суда.

— Валерый Цихиня сам верил в то, что он говорил, или его каким-то образом запугали?

— Я почти что уверен, что в отношении председателя суда был использован компромат, потому что когда 19 ноября мы видели его с тем худощавым человеком с мобильной связью (я узнал потом его фамилию, сейчас почему-то он находится в рядах оппозиции), я таким Цихиню не видел никогда. Когда депутаты принесли свое предложение, сразу же после того, как мы увидели Ю.Захаранка, председатель КС был весь красный, побитый красными пятнами. Он не улыбался, он был целиком деморализован, как мне показалось. Ощущалось, что человек чем-то огорчен безмерно. Цихиня не мог пойти на встречу с президентом. Перед этим они год не встречались, и президент требовал отставки председателя Конституционного Суда, поскольку он не оправдал его доверия. Но тем не менее Цихиня заручился поддержкой большинства депутатов и согласия на отставку не давал. В таких условиях крайние обстоятельства должны были заставить президента пойти на встречу с председателем суда. В свою очередь, только крайние обстоятельства могли заставить председателя суда пойти на встречу с президентом. Потому что я уверен был: он не мог пойти на эту встречу. И должен был стоять до конца, охраняя законность и принципиальность. Тем не менее председатель суда стал настаивать на приостановке дела, склонять судей к такому решению. Он пошел на беспрецедентный шаг и собрал судей 23 ноября, в субботу. Однако судьи не вынесли и в субботу решения о прекращении дела.

— Уже было поздно...

— В принципе, поздно, но еще не

20 июля 1994 года — А.Лукашэнка присягает на Конституции "исполнять Конституцию". Но через год он переписал Конституцию "под себя"...

нашлось большинства голосов для принятия решения о прекращении дела об импичменте. 26 ноября, после объявления победных результатов референдума, было принято решение об окончании дела в Конституционном Суде. И что еще поражает: в этот же день – 26 ноября – группа депутатов, собранная в администрации президента, приняла свои странные судьбоносные законы. Один из этих законов был "О прекращении в Конституционном Суде Республики Беларусь производства по делу о нарушении Президентом Республики Беларусь Конституции Республики Беларусь". Этот закон, более похожий не на закон, а на указ, был передан нам через помощника председателя Конституционного Суда на служебное заседание. Он состоял всего из двух пунктов: прекращается дело о нарушении президентом Конституции; закон вступает в силу с момента его подписания. Это был никакой не закон. Но тем не менее депутаты, собранные в администрации, приняли такое подобие закона и передали его судьям Конституционного Суда. В это время у нас шло заседание. Мы собрались, чтобы окончательно решить судьбу дела об импичменте. Трудная была ситуация. Психологически было подорвано настроение у судей. Все понимали, что решение суда уже не имеет никакого значения. И было большинством голосов принято решение о прекращении этого дела. По причине отзыва депутатами своих подписей из Конституционного Суда. Я выступал категорически против этого решения, убеждая судей, что это дело публичного производства, и не имеет значения, что в дальнейшем кто-то отозвал свои подписи. Если дело начато в установленном порядке – значит, оно должно быть закончено. Однако мое мнение осталось неподдержанным...

Вскоре после этого стало очевидно, что Конституционный Суд закончил свою деятельность, поскольку была введена в действие новая редакция Конституции, против вынесения которой на референдум судьи голосовали 4 ноября: признали, что референдум может иметь только рекомендательный характер. Шесть судей подали заявления об отставке на имя президента. И он ее принял. Я заявление об отставке подал в Верховный Совет, но он был разогнан, и принять отставку никто не мог. Когда начал формироваться новый состав суда, я был уволен указом президента "в связи с окончанием срока полномочий судьи". Это значит, через три с половиной года меня уволил президент. Беспрецедентный в практике Конституционного Суда случай.

— А сколько лет был срок Ваших полномочий?

— Этот срок составлял одиннадцать лет. И избирал меня Верховный Совет – президент никак не мог меня уволить. Но в новой редакции Конституции он написал, что имеет право увольнять всех судей. И это было использовано в отношении меня. Мне предлагал Василевич (новый председатель Конституционного Суда – *Т.С.*) в заявлении об отставке не проявлять особой принципиальности, чтобы получить значительную денежную помощь и не иметь потом проблем с трудоустройством. Но после указа президента я был уволен в тот же день без никакой выходной денежной выплаты.

27 ноября новая редакция Конституции была введена в действие – после опубликования официальных результатов референдума. Начался новый этап в истории Беларуси – жизнь по Конституции, которую не признает весь мир. Конституции, навязанной, так сказать, одним человеком всему беларусскому обществу. Сейчас по этой причине стоит вопрос: когда заканчивается срок полномочий президента? 20 июля или через два года? Согласно Конституции 94-го года, которая является единственной легитимной, ответ очевиден. По новой редакции Конституции – вопрос проблематичный...

— Если невозможно провести переизбрание президента демократическим путем, то, согласно закону, власть на некоторое время переходит к руководителю парламента. Но на практике невозможно однозначно предсказать развитие событий. В таком случае председателю Верховного Совета С.Шарэцкому должны подчиняться армия, милиция, правительство... Очевидно, что многие люди устали за последние пять лет терпеть правовой "беспредел" и страх. Часть политических партий уже сегодня зовет 20-21 июля народ на улицы и площади наших городов. Вот и помогите решить такую дилемму. С одной стороны, народ имеет право на выражение своего протеста, тем более при беззаконии со стороны власти. С другой стороны, законы и указы на практике никто не отменял, они пока действуют. Не провалится ли Беларусь в бездну хаоса и оскорбления всех законов обеими сторонами (так как терпеть оскорбление закона одной стороной долго невозможно)? И еще: как стране избежать окончательного правового хаоса на практике?

— Да, самый вероятный вариант – что после 20 июля президент не отдаст свою власть, сохранит ее. Но он уже не будет президентом согласно Конституции. Он будет руководителем государства, который насильно и незаконно удерживает верховную власть. Поэтому с точки зрения права – конечно, народ может выйти и предъявить свои требования. Это сопротивление, протест против беззакония. Но нужно учитывать, что президент с точки зрения права потеряет свою легитимность, но он сохранит реальную власть. Значит, весь аппарат, служба охраны, карательные органы, чиновники, скорее всего, еще останутся верными ему. И если народ выйдет с протестом, я думаю, власти задействуют все методы воздействия. Не исключено, что будет и большой "хапун", будут аресты. Власть будет себя защищать в любом случае. Поэтому трудно сказать, что будет... Вполне вероятно, что Аляксандр Лукашэнка, удерживая единоличную высшую власть в стране, может ввести чрезвычайное положение. Может запретить деятельность независимой прессы, деятельность политических партий. Он может ввести патрулирование улиц городов, для этого милиции достаточно.

Я думаю, что если народ выйдет и выразит протест властям, власть применит силу. Может начаться, по существу, гражданская война. Либо начнется диктатура в ее классическом виде: с жестокими репрессиями, арестами, уничтожением людей.

Беседовала
Тацяна СНИТКО

Слушай свое!

Ситуация, которая сложилась сегодня в Беларуси с собственно беларусской культурой, настолько абсурдная и уникальная, по крайней мере для Европы, что человеку из нормаль-ного мира без долгого объяснения вот так сразу суть ее и не понять. Официальные власти фактически загнали культуру национального большинства в подполье. Так как все беларусское, по их мнению (и не безосновательно, кстати), является оппозиционным, а значит – враждебным им. Особенно касается это молодежной, альтернативной культуры, и прежде всего – музыки. О помощи и поддержке разговора не идет. Главное, чтобы не мешали. Да где там! Запрещение или проблемы с разрешениями концертов беларусскоязычных групп, на которые молодежь приходит с национальными бело-красно-белыми флагами – вещь обычная. На телевидение или радио пробиться удается только самым-самым. Это могло бы быть приемлемым, если бы страна нормально развивалась, если бы не душились предпринимательство и инициатива. Так как по этим причинам у групп и певцов фактически нет спонсоров. А значит – и практически нет возможности сделать клип, выпустить диск, записать кассету...

Но беларусские музыканты и в таких условиях научились выживать, работать содержательно, творчески, результативно. Не так давно Беларусская музыкальная инициатива (БМА group) выпустила первый беларусскоязычный CD-диск под названием "Вольные танцы: слушай свое". В выпуске этого диска, кроме БМА group, приняла участие правозащитная организация Беларусский Хельсинкский Комитет.

"Особенность этого диска в том, — пишется в аннотации к CD, — что он является первой за историю беларусской независимой музыки кампиляцией, где собраны только беларусскоязычные исполнители: известные и не совсем известные. Тут будет и "поп-грандж", и обычный поп, и электроника, и noise, и jazz folk, и pagan, и rock – все, что составляет независимую музыку независимой Беларуси. Некоторые группы выступят в непривычном для себя амплуа – это попытка уничтожить стереотипы, которые успели сложиться к этому времени. Надеемся, через этот CD будет уничтожен и стереотип, так сказать, музыкальной "тутэйшасьци" (здешности)".

Появление диска – это еще и результат концертов-акций "Вольные танцы", которые с начала 1998 года проводит БМА group. Вокруг них группировались беларусскоязычные команды. В записи первого CD приняли участие как известные далеко за пределами страны группы "Ulis", "Палац", "N.R.M.", "Krivi", "Новае неба", "Крама", "Нейро дюбель", "Камэлот", так и известные пока что только в Беларуси "Мясцовы час", "Зьнiч", "Zygimont Vasa", "Postscriptum", "Deviation"...

Авторы проекта выражают благодарность "всем, кто помогал и не мешал", как вы сейчас понимаете почему, а также музыкантам и музыковедам, редакциям газет "Наша Нiва", "Навiны", "Имя", "Беларуская маладзёжная", "Пагоня", "Белорусская деловая газета", "Брестский курьер", "Народнае слова" (Витебск) и др.

Наш корр.

Конфискация

1.

5 октября 1994 года новоиспеченный президент издал один из первых своих указов, по которому, в частности, запрещал юридическим лицам вести расчеты наличными деньгами. Мы все хорошо знаем свойство наличных денег "прилипать" к рукам. Поэтому указ был, можно сказать, прогрессивным: "перекрывал кислород" не очень честным чиновникам.

Ничего не слышали о том документе ни любаньский фермер Алесь Касач, ни тот председатель колхоза из Слуцкого района, у которого Алесь купил партию свиней. Оно бы и ничего, да расчет был сделан как раз наличными. А потому оба хозяйственника сразу же попали под действие нового указа – незнание закона не освобождает от ответственности.

Дальше – дело техники. Минский областной хозяйственный суд удовлетворил иск налоговой инспекции относительно штрафных санкций и выдал Касачу и тому председателю по полной программе – по полмиллиарда рублей штрафа. Точная сумма штрафа для фермера составляла 538 миллионов 482 тысячи 960 рублей. Страшно большие по тем временам деньги.

Слуцкий председатель тем временем поехал в Минск, к самому главному налоговому инспектору. Что он там говорил и как именно каялся – неизвестно. Известно только, что Налоговый комитет имеет право, при наличии заслуживающих внимания причин (трудное финансовое положение и др.) штраф юридическому лицу отменить либо пролангировать (растянуть во времени). Словом, председателю каким-то образом удалось договориться.

Алесь пробовал спорить, был готов даже заплатить какой-то штраф в разумных пределах, но не полмиллиарда! Ничего не вышло: судебная машина у нас едет только вперед, заставить ее вернуться назад почти невозможно...

Штраф Алесь Касач не заплатил. Более того, в прошлом году в мае он выяснил, что платить его он и не должен, так как на момент "свинской" сделки юридическим лицом не являлся.

Любаньская налоговая инспекция пошла фермеру навстречу: ему дали отсрочку. Нужно было только найти основание для пересмотра судебного решения. И все же инспекция была вынуждена пойти на крайние меры – как-никак недостача "висела" на них.

2.

Судебная машина, однако, шла своим ходом.

Было принято постановление: в счет погашения штрафной суммы конфисковать у фермера часть техники. Алесь поехал в Любань, к председателю райисполкома попытаться отстоять технику – нужно же было отсеяться.

В это же время в его доме события развивались следующим образом. Работники занимались посевом гороха, а "на хозяйстве" оставалась жена Алеся – Галина. В этот момент и прибыла "группа захвата" во главе с судебным исполнителем Микалаем Раманчуком. В ней были также трое милиционеров и представитель налоговой инспекции. Милиционеры чувствовали себя неловко и посоветовали Галине не подписывать акт, который составил решительный г-н Раманчук. Она так и сделала. Налоговый инспектор также отказалась поставить свою подпись.

Честно говоря, документ был немного сомнительный и составлен, мягко говоря, не совсем грамотно. А самое главное, техника – трактор Т-25 и автомобиль ГАЗ-53 – принадлежали не Касачу, а его сестре и компаньону Валянцине Янушкевич.

Объясняю: сначала были два фермерских хозяйства – "Касач" и "Янушкевич". Потом они слились и образовали общество с ограниченной ответственностью "Айрис-сервис". Трактор и автомобиль по документам являются вкладом Валянцины Янушкевич и ее сына в уставной фонд ООО. Это и пытались объяснить судебному исполнителю. Но он, как известно, слышит то, что хочет слышать.

Г-н Раманчук приказал отцепить трактор от сеялки и тащить в Любань. Трактор "обиделся" и на полдороги заглох. Машина, к радости "исполнителей", доехала.

Подведем итоги "блестящей" финансово-фискальной операции. Сев сорван, техника стоит на автобазе, так как продавать ее нельзя по закону – наказан Касач, но ведь техника ему фактически не принадлежит. В это же время Касач ожидал приема у председателя райисполкома Ивана Макарэвича. Председатель выслушал его и пообещал разобраться. Алесь поверил, а когда вернулся домой, то нашел жену в слезах и сеялку без трактора.

Поехал снова в Любань, снова дождался председателя, но на этот раз был им из кабинета выгнан с криком: "Наглец!"

Что же, председателя можно понять. Что ему какой-то фермер, когда колхозы чуть дышат? Иван Михайлович может попасть "на ковер" к начальству за них, но никак не за Касача. Есть судебное решение: правильное оно или нет – дело шестнадцатое, но если оно есть – его нужно выполнять...

3.

Что тут самое интересное? В первом случае хозяйственный суд наказал Касача за то, что он, не являясь юридическим лицом, рассчитался с юридическим лицом наличными. Во втором случае тот же суд не стал даже рассматривать заявление Валянцины Янушкевич, так как она юридическим лицом не являлась.

Дело в том, что когда в районе проходила перерегистрация хозяйственных субъектов, ни хозяйство Алеся, ни хозяйство Валянцины не были зарегистрированы как юридические лица. А чтобы стать юридическим лицом, нужно: печать, регистрация в налоговой инспекции, регистрация в Минстатистике, расчетный счет.

Тот же президентский указ имеет в виду только и исключительно юридических лиц. Таким образом, наказывать фермера Касача штрафом оснований не было. В качестве подтверждения: 30 апреля 1997 года Минский городской хозяйственный суд рассматривал дело Валянцины Янушкевич по нецелевому использованию кредита, выданного банком на сев. Прямо сказать, эти деньги пошли на покупку шифера. Любаньская налоговая инспекция подала иск почти на 93 миллиона (там, видно, лучше разбираются в хозяйственных нуждах). Суд отказался рассматривать дело на том основании, что Янушкевич – не юридическое лицо. Это было в апреле, а тремя месяцами позже этот же суд наказал Касача штрафом, хотя тот тоже юридическим лицом не являлся. Здесь, как у нас говорят, без бутылки не разберешься...

Обо всех этих нюансах Алесь узнал только в суде. Даже судья ему сказала: правда на твоей стороне, борись. Это, конечно, хорошо, но когда работать? Появилась, к тому же, новая проблема: как добыть бумажку, что ты был в то время просто "лицом", а не "юридическим". Ее отсутствие перечеркивало все надежды.

Касач, кроме всего, был должен банку 300 миллионов кредита и столько же – процентов по нему. Его это не пугало: рассчитался бы. Но штраф и последовавшая конфискация целиком изменили всю картину.

А вывод, к сожалению, знакомый: нужно знать законы! Их незнание –

хроническая наша болезнь, и не только Алеся...

4.

Вместе с Касачом мы ездили в Любань за этой справкой. В райисполкоме проходило сразу несколько совещаний. Заседало начальство, молодежь обсуждала проблемы патриотизма, а колхозные и совхозные экономисты советовались, как работать без потерь. Вспомнились старые добрые времена, когда жизнь проходила под девизом: "Ни дня без совещания!" Этому воспоминанию хорошо соответствовала и районная Доска почета. Страшноватое бетонное строение содержало цветные портреты "тех, кем гордится Любаньшчина". Мы стояли около этого пугала, курили, в результате пришел на ум афоризм: когда появляются "Доски почета" — продукты исчезают. Так как исчезают такие люди, как Алесь Касач.

Я его знаю уже девятый год. Алесь, конечно, не ангел, да и кто из нас так может о себе сказать? Однако ничего противозаконного он не делает. Алесь по мере своих скромных сил хочет пополнять беларусский рынок беларусскими продуктами. Он искренне верит: вот разобраться бы со штрафом, найти оборотные средства – и он будет снова на коне.

Детская наивность. В нашей деревне такие как он остаются чужеродным телом. В конце концов, дом в ближайшей деревне, офис и хозяйственное помещение сожгли ему не диверсанты из ЦРУ... Те, кто принимает решение: жить нам или нет, хорошо ориентируется в настроениях полутемной деревни. И всячески их поддерживает. В том числе указами, декретами, законами и жизненной практикой, когда собственника и хозяина душат, как говорится, на местах.

У фермера планы были грандиозные. В поселке Уречье были почти закончены магазин и кафе – строительство пришлось "заморозить". Наготове стояли два передвижных магазина. Были другие планы. Нет смысла перечислять замыслы теперь.

14 мая прошлого года Алесь принимал участие в шествии оппозиции. Опоясался полотенцем с изображением аиста – символа родного дома. Его схватили и бросили в "воронок". На этом его акция протеста закончилась. Отпустили Алеся скоро, но самое смешное не в этом. Если бы дело дошло до тюрьмы, то фермер Касач питался бы горохом собственного производства: в свое время он продал 13 тонн гороха известному учреждению на улице Опанского (тюрьма – *ред.*), да еще 3 тонны – в СИЗО на Володарского. В качестве запасного варианта – 5 тонн в Жодинское СИЗО. Милиция рассчитывается сразу и без промедления. Выгодные клиенты.

Тем временем у фермера конфисковали автомашину МАЗ и трактор МТЗ. Процесс продолжается. Процесс уничтожения "альтернативной" экономики "законными" средствами.

Андрэй СЯРЖАН

Вне закона

(Начало на стр.1)

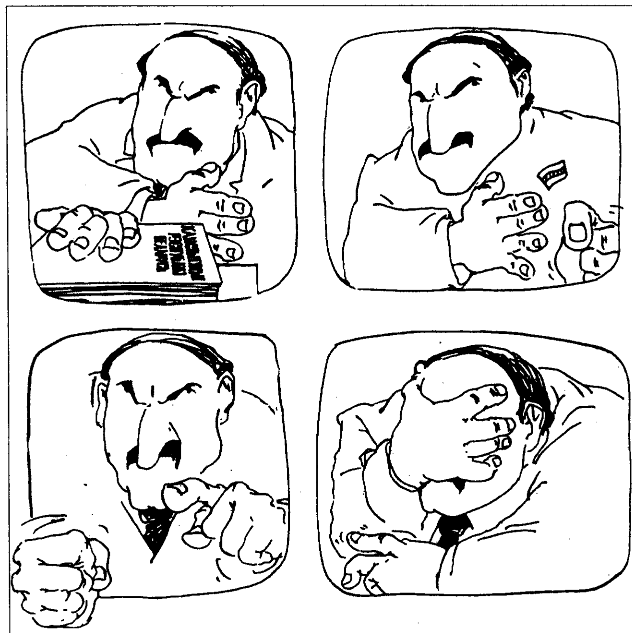
"колхозного конюха" (слова Жириновского) – хоть и это, бесспорно, есть, но зачем им на близких выборах еще один конкурент с непредсказуемым поведением. Непредсказуемым, так как политик Лукашэнка никогда не играл по общепринятым правилам. Как сказал один наблюдательный человек – пока ты будешь думать над очередным ходом, он ударит тебя по голове шахматной доской... Именно благодаря такой "тактике", а еще явной лжи и абсолютно невыполненным обещаниям электорату (то, что называется красивым словом популизм) Лукашэнка и приобрел все свои победы в Беларуси на выборах и референдумах. Набравшись опыта на "беларусском полигоне", кто его знает, как развернется он на российском...

Были, конечно, и другие причины, по которым российское руководство пока не отважилось на присоединение Беларуси. Но факт остается фактом: за время своей легитимности Лукашэнка не смог сдать Беларусь. Подписанные им до 20 июля объединительные документы, пусть и не признанные оппозицией и цивилизованным миром, юридически могли бы иметь силу хотя бы потому, что подписал их действительно демократически избранный президент. После 20 июля, после окончания пятилетнего срока, на который он был избран, любое принятое им решение оказывается вне закона. Российские власти, перенеся "на осень" подписание документов о создании Союза Беларуси и России, фактически сдали своего "ближайшего союзника и брата по воинственному славянству". И недаром поэтому в одном из своих недавних выступлений Лукашэнка пригрозил России, что отдал беларусскому правительству указ повернуться, как той избушке из сказки, к России задом, а к Западу передом. Это выглядит как явный шантаж...

У Лукашэнка был шанс попытаться выйти сухим из болота, в которое он сам себя загнал. Он мог принять участие в выборах, назначенных легитимным Верховным Советом и проведенных оппозицией 16 мая этого года, либо сыграть в "демократию" и назначить "досрочные" выборы. У него была довольно высокая вероятность с помощью "вертикали" выиграть их. Была. Но сегодня, когда слышится все больше и больше голосов, что за пять лет своего президентства он не выполнил ни единого своего предвыборного обещания, что жизнь народа с каждым годом все ухудшается, что люди устали от безденежья, дефицита продуктов и товаров, очередей, инфляции, безнадежности... общественное мнение приходит к выводу: пусть будет любой другой, только не он, у него не получилось, пусть попытается другой – таких директоров совхозов у нас много...

Таким образом, с 20 июля Лукашэнка как политика больше нет. Есть узурпатор власти. Есть диктатор, которому понравилось управлять народом и которому свою безграничную власть над ним терять никак не хочется.

Андрэй НАЛИВА

“Мы выполняли свой долг...”

Рассказывают журналисты – свидетели трагедии на Немиге

На Правозащитный Центр “Вясна-96”, как известно, возложены функции исполнительного органа Общественной комиссии по расследованию трагедии 30 мая на Немиге. Предлагаем вниманию читателей бюллетеня “Право на свободу” материалы одного из направлений расследования трагедии, которое касается нарушения свободы слова сотрудниками милиции во время событий 30 мая на Немиге.

Сразу же после трагедии в средствах массовой информации появились обращения органов прокуратуры к гражданам, чтобы те, кто был свидетелем трагедии, помогли расследованию. Насколько фарисейскими были эти обращения и насколько незаинтересованы власти в том, чтобы донести до своего народа правду о том, что происходило 30 мая в подземном переходе станции метро “Немига” и около него, свидетельствует их обхождение с журналистами, которые в тот вечер выполняли свой профессиональный долг. Как показали наши расследования, значительную часть ценных документальных материалов (фотопленки) милиционеры уничтожали или конфисковывали сразу, еще на месте трагических событий. Таким образом представители власти нарушали не только профессиональные права журналистов, но и права граждан нашей страны на получение правдивой информации.

Закон “О печати и других средствах массовой информации” Республики Беларусь гарантирует:

Раздел 5, статья 39: “Журналист имеет право присутствовать в районах стихийных бедствий, аварий и катастроф, военных действий, местностях, где объявлено чрезвычайное положение, на митингах, демонстрациях и т.д.”.

Статья 32: “Граждане Республики Беларусь имеют право на своевременное, оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической и международной жизни, состоянии окружающей среды...”

Так записано в Законе. А что было в действительности...

Рассказывает Анатоль *(фамилию пока не сообщаем)* – фотокорреспондент:

“Я начал фотографировать тогда, когда увидел это месиво внутри. Милиция в это время пыталась людей растянуть, хотя нет, методы у них другие – разогнать. Все это я снял от начала до конца. Все это длилось минут десять. Я понял, что все это очень серьезно, когда с другой стороны начали выносить трупы.

— Со стороны кафедрального собора?

— Да. Трупы выносили люди гражданские. Те, кто имел еще силы выносить. С места, где был я, не было возможности это снимать – меня предупредили: не снимать.

— Кто предупредил?

— Милиционер. Были сумерки, вспышка довольно мощная, это и привлекло внимание милиционера. Сначала милиции было мало, но вскоре появилось больше, и один из них предупредил – не снимай. Я перешел на другую сторону, на сторону кафедрального собора —через дорогу — и стал снимать. Пытался зайти внутрь, но это было нереально. Мне удалось снять первые вынесенные жертвы. Но я снял и то, как это все происходило.

— Что присходило со стороны кафедрального собора?

— Я снимал. Я не знал, погибшие ли это люди, но вид у них был ужасный. Милиция уже была там – пару человек, а потом приехали еще – практически, когда все уже закончилось. Не видел, чтобы они помогали пострадавшим. Видел, как помогала эта врач, о которой я потом узнал, что она погибла. Ей просто не повезло – она не знает, что такое толпа и бросалась помогать туда. Я ее видел в толпе – она пыталась кого-то вытащить. В течение этих десяти минут кого можно было вытащить – вытаскивали, а тех, кто уже там задыхался – вытянуть было практически невозможно. Милиция в это время сделала кардон, никого не пускали, но было поздно – они не успели. Среагировали, я считаю, они не так, как положено – они были рассредоточены. Им бы сосредоточиться, сгруппироваться в одном месте, чтобы ограничить поток людей, а они этого сделать не смогли.

— Кто помогал жертвам?

— Помогали в основном те же пострадавшие, которым удалось выбраться.

— Оказывали ли милиционеры первую медицинскую помощь пострадавшим?

— Не видел. Может быть, оказывали, но лично я не видел. Они помогали кому-то оттуда выбраться, но их было мало.

— Когда на вас снова обратили внимание?

— Предупредили: парень не снимай, а потом просто мне разбили фотоаппарат. Это было примерно в 20.35 — 20.40, я успел отснять две пленки по 36 кадров. Одна пленка была в фотоаппарате, вторую у меня забрали. Где-то она есть. Но мне посоветовали ничего по этому поводу не предпринимать, не привлекать вообще внимания к себе.

— Кто посоветовал?

— Юрист. Он сказал – лучше не возбуждай вообще никаких дел: тебе это обойдется дороже, тебя сделают козлом отпущения, назовут “нячэсным журналистом”. Вообще, посоветовал поменьше светиться, чтобы поменьше людей знали тебя и где ты работаешь. Я с ним согласен и никаких дел возбуждать не буду.

— Когда у вас отбирали пленку, применили ли к вам силу?

— То, что у меня разбили фотоаппарат, я уже считаю применением силы, а так – попали немного дубинкой по бокам – и все. В Америке бы уже был скандал, а у нас это не считается применением силы, и доказать что-либо невозможно. Все видели, но свидетелей нет и не будет.

— Вы не пошли снять побои или было не очень больно?

— Было больно, но следов почти не осталось.

— Были ли еще журналисты, фотографы?

— На празднике были НТВ, ОРТ – снимали, но почему-то есть съемки событий до и после , а того, что происходило – нет, хотя я думаю, что они снимали. Я видел фотографа, к сожалению, имени его я не знаю – он снял буквально три кадра, и его побили и запугали, чтобы он не делал этого.

— Не считаете ли вы, что снимая трупы, вы нарушили в определенной степени профессиональную или человеческую этику?

— Нет, я считаю, что не нарушил. Я считаю, что все это нужно публиковать. Например, тот же акт мародерства, который я даже успел снять. Было это так: девушка в переходе задыхалась и я увидел руки, тянущиеся к ней словно бы для того, чтобы вытаскивать (девушка не могла шевелиться), но тут они сорвали цепочку и исчезли. Я это сфотографировал – фотография должна была быть очень выразительной”.

Рассказывает Сяргей *(фамилию пока не сообщаем)* – фотокорреспондент:

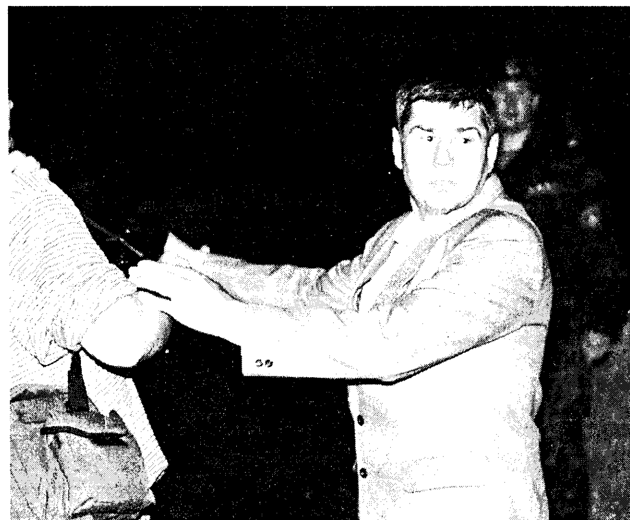
“Из журналистов я появился, как мне кажется, самый первый, но к этому времени уже все погибшие и раненые были свезены. Вход в переход на станцию метро был оцеплен сотрудниками ОМОНа. Стояли две

"скорые", однако они не были задействованы – наверное, оказались лишними. На крыльце, на первой верхней ступеньке лестницы стоял генерал Тарлецкий и еще около двадцати офицеров и мужчин в гражданской одежде – начальство. С самого моего появления милиция реагировала достаточно жестко на любые съемки. То же было, когда появились мои коллеги из других агентств. Один из аргументов омоновцев: не снимайте наших сотрудников. При этом отталкивали достаточно далеко. Поскольку уже начинало темнеть, то снимать с тех позиций было совершенно невозможно – бесполезно. Второй аргумент был: не снимайте наше начальство (наверное, имелся в виду генерал Тарлецкий и другие представители руководства города). Причем никакие удостоверения, ни ссылки на Закон о печати, ни ссылки на статью, которая указывает, что журналист имеет право работать без аккредитации в условиях чрезвычайного положения – не действовали. Просто был приказ – прессу не пускать, работать не давать. Омоновцы на него ссылались: мы выполняем приказ, вы нас поймите. Но был среди них один (я его знаю в лицо), который сказал нам вполголоса: ребята, здесь действительно делать нечего, начальство требует, чтобы мы вас отсюда отгоняли, езжайте вы по таким-то, таким-то адресам, там вы найдете все. Мы так и поступили. Здесь уже делать было нечего, и мы с коллегой поехали в больницу "скорой помощи". Возле приемного покоя стояло три-пять машин "скорой помощи", которые отъезжали, приезжали, привозили раненых. Мы начали снимать. Там дежурило три сержанта милиции, и им понадобилось секунд десять, чтобы сообразить, что приехала пресса, что снимают, и что пора действовать. Было замешательство какое-то время, и мы успели что-то снять: как выгружают раненых, кто передвигался самостоятельно, кого несли на носилках, кого-то просто ссаживали с сидений. Пока мы там были – это уже было около одиннадцати, и это были уже далеко не первые – на наших глазах доставили около десяти человек: кто-то без памяти, и их с машины на носилках или каталках переносили, кто-то сам пытался идти. На нас буквально через десять секунд накинулись все вместе – и медики, и милиция, которая начала руки крутить, затолкали в какое-то помещение, которое оказалось бомжатником метр на три, на первом этаже. Там уже один бомж сидел. Продержали нас там минут пять-семь, потом выпустили, мы попытались снова снимать, и нас вытолкали на улицу. Мы там продолжали снимать, и нас опять затащили в бомжатник, продержав снова минут пять-семь. Попыток забрать аппаратуру не было. Мы показывали удостоверения, и они осознавали, что они имеют дело с журналистами и не из фотокружка : и аппаратура серьезная, и действия наши довольно решительные – мы не собирались прятаться и делать что-то исподтишка. Нас начали отталкивать подальше от входной двери, от машин, которые прибывают. Они вызвали подмогу, вызвали начальство – приехала машина, в которой было три или четыре офицера милиции, с которыми мы попытались выяснить отношения. Мужчина, который предста-

(Продолжение на стр. 10-11)

Кадры, которые удалось сберечь — моменты "разборок" милиционеров и "людей в гражданском" с журналистами в тот трагический вечер 30 мая на Немиге.

“Мы выполняли свой долг...”

(Начало на стр. 8-9)
вился зам.главного врача, вызвал главврача, который в категорической форме нам отказал в проведении каких-либо съемок дальше приемного покоя. Он сказал, что мы очень мешаем работать. В конце концов нам разрешили снимать на подъезде, на крыльце. Уже было достаточно поздно, чтобы по-прежнему привозить больных, поток больных иссяк. Потом мы нашли труп девушки — прямо за порогом на полу лежал – совершенно бесхозный, никто его не опекал, возле его не стоял.

Они силой нас выпроваживали, а мы силой требовали не мешать дать нам работать. Их было трое, нас – двое, мы увешены аппаратурой, да к тому же в нашу задачу не входит физическое противодействие, поэтому победа, конечно, была на их стороне”.

Рассказывает Павел Жук – главный редактор газеты “Навіны”:

“Было около часа ночи, когда мы снова приехали в больницу “скорой помощи”. Мы пошли в морг, но вдруг приехала машина с охраной впереди, сзади и на борту. Оказалось, что это еще привезли погибших. Мы бросились туда. Со мной было два фотографа. Мы подошли к этой машине и увидели в ней трупы. Я говорю:

— Скорее фотографируйте!

Милиционеры в это время смотрели в сторону, и ребята смогли сделать несколько кадров. Но как только милиционеры увидели вспышки – сразу же набросились на нас... Прибежал капитан и потребовал наши аккредитации, внимательно их изучил и переписал. Сказал – пойду добиваться разрешения, чтобы вы могли здесь снимать. В это время начали выгружать трупы – всего 16, их даже можно пересчитать на сделанных фотографиях.

Я считаю, что снимать то, что уже произошло – это не нарушение моральных норм. Более того, показать, как с этими погибшими детьми обходились – нужно. Милиция не оказывала помощи, а занималась другим – они избили парня, который фотографировал во время трагедии. Он был там в самый момент, когда все началось. На него налетели милиционеры, избили. У него были отсняты две пленки – с самого начала и до того времени, когда пьяные молодцы начали с гиканием срывать с погибших золотые украшения. На него налетел ОМОН, разбили фотоаппарат, забрали две пленки. Пленки забрал у него капитан – одну засветил, а вторую положил себе в карман. И где-то она есть. Вместо того, чтобы спасать, вытягивать людей, милиционеры сделали оцепление и не допускали журналистов, не разрешали отснять и запротоколировать все – как было на самом деле. Они не давали и нам снимать. Нет смысла прятать то, что уже произошло – все равно это станет явным. А то, что они утаивали от журналистов правду, подтверждает, что они чувствовали свою вину. Они не хотели, чтобы люди знали, что они не могут действовать в критических ситуациях, не могут обеспечить порядок и безопасность граждан, не могут даже оказать первую медицинскую помощь. А журналистов избивать за то, что они фиксируют факты, которые уже произошли – это для их морально... Журналисты должны показывать то, что есть на самом деле – фотографировать, рассказывать об этом, даже если это и трупы (посмотрите фотографии с афганской войны), делать это правдиво и профессионально, без фальсификаций”.

Кадры, которые удалось сберечь — на верхнем снимке: милицейское и городское начальство у места трагедии, на нижнем: так жертвы перевозились к больницам.

Рассказывает Вераника Трызна – обозреватель информационного агентства Интерфакс:

“Когда я туда приехала, моментально увидела моих работающих коллег. Первое мое впечатление: один из известных фотокоров пытается фотографировать, а его в достаточно грубой форме оттуда отталкивают. Еще одним из первых впечатлений было то, что люди, которые шли после этих праздников домой, не понимали, что произошло: видели, что оцеплена площадка. что-то случилось. Люди пытались спросить, что здесь такое у милиции, но милиция молчала. Тогда люди начали обращаться к нам – мы первым делом повесили свои удостоверения, чтобы нас оттуда не гнали, и уже каким-то образом прямо там, на ходу мы начали людей информировать: если были здесь родные, знакомые – идите туда-то, ищите там-то. К нам подошли лица в штатском со словами: что вы тут делаете? Уходите. Мы на них не реагировали. Когда к нам подходили милиционеры и пытались нас оттуда прогнать, мы говорили: вы на работе, и мы на работе — давайте не будем друг другу мешать. Нас попросили отойти в сторону. Тут же собралось все городское начальство, которое мы, естественно, всех знаем в лицо, но к журналистам не вышел никто. Это уже потом, задним числом, говорили Ярмошин и Тарлецкий, что во время таких мероприятий обязательно должен работать штаб, где постоянно должен находиться дежурный – человек, который бы информацию накапливал: если постра-

дало, то сколько по официальным данным, чтобы и родственники, и мы пользовались не слухами, а официальными данными. Паники, которая была в моргах и больницах с родителями, можно было избежать, если вовремя наладить такую информацию. Бог с ней, с нашей журналистской работой, ведь произошло такое событие – просто людей информировать... Сделать это не для нас, а для людей... Мы тут в последнюю очередь...

Надо сказать, что нам не оказывали активного противодействия, но вместе с тем и не шли нам навстречу и не информировали: нам нельзя было находиться в определенном радиусе, оператору российской камеры указывали – здесь снимай, а здесь не снимай. Но для нас это уже вполне нормально — не сажают в "воронок" и не увозят – значит, работать можно".

Рассказывает Цэзарый Галински – корреспондент Gazeta wyborcza (Польша):

"На месте происшествия я встретился с Уладзимиром Дзюба – это был первый журналист, которого я там увидел – и вместе мы старались что-то узнать от чиновников, которые появились на Немиге. Вышел полковник и сказал, что ничего не произошло, рано еще что-то говорить, приходите утром и тогда, может, что-то узнаете, а мы вам ничего не скажем. В это время уже отъезжали последние машины "скорой помощи". Нам сказали: не мешайте работать, хотя мы назвались, показали удостоверения. Наши слова: мы не мешаем, у вас своя работа – у нас своя – не помогали. Нас вытолкали. И только один капитан сказал: ребята, здесь действительно произошла трагедия, погибли люди, и действительно не мешайте нам. Потом к нам вышли люди в гражданском, кажется, сотрудники прокуратуры и сказали: ждите до утра, до пресс-конференции. На это время появились еще журналисты, и мы решили поделиться, кто куда пойдет. Прошло больше часа, пока мы боролись с этими чиновниками, появились родители.

На все наши вопросы милиционеры отвечали: ничего не знаем, ничего не можем сказать. Этот ответ звучал от каждого человека в форме, которого мы встречали в тот вечер. Никто из них не хотел идти на контакт, а больше интересовались: кто мы такие и чего здесь ищем. Когда мы говорили, что журналисты, то от нас просто отворачивались. Единственный момент использования насилия со стороны милиционеров был еще около станции метро: тогда омоновцы нас довольно коректно, как для омоновцев, начали отталкивать от самого перехода".

Рассказывает Марцин Смяловски – корреспондент Польского агентства прессы в Минске:

"На Немиге я встретил нескольких журналистов и фотокорреспондентов, и хотя у всех были журналистские аккредитации, к нам отнеслись не слишком хорошо. Пошли слухи, что есть даже погибшие, но еще никто не знал, что произошло. Мы попытались вместе с Цэзарым Галинским подойти ближе, но нас оттолкнули милиционеры. Хотя это был не насильственный способ не допустить нас, но, например, одному из корреспондентов закрывали руками объектив. Затем Цэзары еще раз поругался с полковником, офицером высшего ранга, который сначала вышел и просил, а потом в более строгой форме потребовал не мешать им работать. Мы в ответ тоже сказали, что и вы нам не мешайте работать. Он ничего не сообщил о происшествии. Человек в гражданском сказал только, что официальная информация будет позже.

Мы решили, что если раненых и погибших возят в больницы, то, наверное, и в ближайшую (2-ю больницу): кстати, об этом говорили и присутствующие люди. Во 2-ой больнице нас уже никто не задерживал. Там было немного милиционеров, но они совсем отказывались с нами говорить и отвечать на наши вопросы. Они совсем от нас отвернулись".

Рассказывает Уладзимир Дзюба – член Рады Беларусской ассоциации журналистов, главный редактор бюллетеня "Чацвёртая ўлада":

"Я попытался с Цэзарыем Галинским пройти на место происшествия в подземный переход, но нас не пропустили — было оцепление. Мы только издалека в переходе в середине увидели, что много разбросанных вещей, обуви на ступеньках этого ужасного места. Нам посоветовали обратиться, чтобы получить информацию, к руководству, которое приехало на место происшествия (имеются в виду силовые структуры). Мы обошли вокруг, подошли к переходу, где произошла трагедия. Там нас тоже не пропускал ОМОН. Когда мы показали журналистские удостоверения, один из омоновцев вызвал кого-то из руководителей – я фамилии, к сожалению, не помню. Это был человек в гражданском, назвал себя подполковником и дал довольно короткую информацию. Можно сказать, что ничего не сказал. Досконально были проверены наши удостоверения. Далее он сказал, что больше ничего сказать не может: есть потерпевшие, есть погибшие – и ушел.

На месте происшествия оказался известный фотокорреспондент, который хотел сделать снимки, но ему это сделать запретили. Когда уже человек восемь журналистов собралось из разных изданий – нам сказали отойти. Фотокорреспонденту запретили делать фотографии, начали толкать.

Я бы не сказал, что некорректо вели себя омоновцы, но, возможно, у нас свои мерки относительно мягкости отношений наших милиционеров с журналистами. После избиения дубинками на митингах, после арестов – толчок в спину уже не воспринимается как насилие, хотя мы высказали протест.

Один из сержантов взял меня "под локоток" и сказал: "Отойдите!". Я сказал ему, чтобы он убрал руки – он не имеет права выгонять журналистов. На одного из корреспондентов вообще трое омоновцев набросилось – это был журналист из зарубежных средств массовой информации. Его схватили за руки, за плечи, за горло и оттягивали. Мы вступились за него и, так сказать, отбили. Начался спор. Омоновцы объясняли, что им запретили кого-либо сюда пускать, что они на работе. На это мы ответили, что мы тоже на работе, мы – журналисты, и тут работаем, а не гуляем. Мы имеем право здесь быть, и это право дано нам законом.

Я считаю, что о трагедии, которая произошла, информация должна быть максимально достоверной, правдивой. И право на ее получение имеют граждане Беларуси согласно Конституции и Закона о печати".

У БРЕСТЧАН ЕСТЬ СВОЕ ИЗДАНИЕ

В Бресте под названием "Мяжа" начал выходить информационный бюллетень местного филиала Беларусского Правозащитного Центра "Вясна-96"

Первый номер этого года получился содержательным и богатым на информацию. В начале его рассказывается о бессрочной акции протеста, которую местные правозащитники и члены БНФ провели на Рождество. Были организованы выпуск и распространение листовок против политики президента Беларуси на объединение Беларуси с Россией. Печатаются также сообщения и статьи: "Не время ли закончить бессмыслицу?", в которой В.Барболин рассказывает об аресте на Брестском рынке У.Вяличкина; "Криминальный боевик" – рассказ самого У.Вяличкина о его "взаимоотношениях" с милиционерами в течение последних месяцев, о безосновательных задержаниях и судах; "Приграничный беспредел" – сообщение Р.Пазинкевича об инциденте, который имел место на границе с Польшей; "С плакатом на площадь" и "Брестская партизанка" (авторы А.Ахмач и У.Вяличкин) – о том, как в этом году в Бресте отмечалась очередная годовщина образования Беларусской Народной Республики; "Как меня переписывали" — Г.Самойленка рассказывает о конфликте, который возник, когда он, сам русский по национальности, выступил против явной русификации, открыто проводимой во время переписи населения текущего года; "День без чужого слова" — призыв А.Балашова и П.Панасюк ко всем беларусам, чтобы не отрекались от беларусского языка, чтобы каждый второй день месяца говорили только на родном языке и др.

Учредитель, редактор и издатель бюллетеня "Мяжа" – руководитель местного филиала "Вясны-96" У.Вяличкин. Количество экземпляров издания – 299. Адрес редакции: 224023, Брест-23, а/я 46.

Поздравляем наших коллег с интересным и довольно удачным началом и желаем им успехов в работе и в дальнейшем.

Алесь Вечар:

"Лжесвидетельству нет оправдания!.."

История этого человека – живое свидетельство того, как у нас создаются искусственные компроматы на известных людей. В том числе (или даже в первую очередь) – на известных политиков. И совсем не обязательно политиков оппозиционных. По крайней мере, люди, о которых пойдет разговор, на момент развертывания событий занимали высокие посты. Пресса писала о них каждый день и не упоминала ни единым недобрым словом. Врагами и преступниками их объявят позже...

Я очень хотела бы, чтобы из истории минчанина Алеся Вечара сделали выводы те, кто сейчас вынужден служить режиму в какой-либо ипостаси, закрывая глаза либо не имея возможности сказать слово несогласия. Пока вы читаете эти строки – не исключено, что такой же "компромат" на вас пытаются выбить из какого-нибудь соотечественника.

Перед каждым из нас рано или поздно встает выбор: свобода или честь. Оба главных героя этой статьи выбрали второй вариант, даже не будучи знакомыми и не договариваясь. Михаил Чыгир в тюрьме. Алесь Вечар отсидел срок за то, что не стал участником грязной игры против тогдашнего премьер-министра.

"Меня задержали 5-го июня 1996 года. Просто позвонили сотрудники милиции и сказали, что им со мной нужно что-то уточнить. Я за собой нарушений никаких не чувствовал. Я занимался целиком законным бизнесом и научными делами – созданием института перспективных технологий при Беларусской инженерной академии. Естественно, я согласился на встречу".

Алеся повезли в один из опорных пунктов милиции во Фрунзенском районе Минска. Там же стали заставлять подписать заранее подготовленные "показания".

"Из этих "показаний" следовало, что будто бы я вместе с сыном Михаила Чыгира, сыном Станислава Багданкевича и Аляксандром Пупейка организовали преступную группу, которая занималась крупномасштабным криминальным автобизнесом на территории Западной Европы и стран СНГ. Финансировалось будто бы это при участии старшего Багданкевича, а покрывалось – старшим Чыгиром. Естественно, я такую чепуху подписывать отказался".

С Аляксандром, сыном тогдашнего руководителя правительства, Вечар был знаком. С семьями известных Пупейка и Багданкевича – жил по соседству. Из этого он никогда не делал какой-то особенной тайны.

После отказа подписать лживые свидетельства начались угрозы следователей в адрес Алесевой семьи. Особенно "веселую" жизнь обещали устроить маленькому сыну и младшему брату. Алесь Вечар рассказал также, как ему делали иньекции психотропными препаратами. Именно из-за них через три года врачи назовут причиной болезни сахарный диабет: перенесенная тяжкая психическая травма.

Физической "обработки", правда, не было, хотя рядом с ним били других задержанных. Вечар, однако, был просто нужен следствию без следов избиения.

"По плану тех, кто все это задумал, предполагалось, что "показания" я должен озвучить перед видеокамерой," – говорит Алесь.

Режиссеры спектакля под названием "компромат на премьера" рассчитали точно. Интеллигентно-импозантная внешность их жертвы хорошо подходила для вызывания народного гнева. Такому человеку, покажи его БТ, поверили бы.

Но был у следствия и другого плана расчет.

"Я принимал участие практически во всех акциях Беларусского Народного Фронта, начиная с побоища в Куропатах 30 октября 1988 года, — рассказывает Алесь Вечар. – *У меня спрашивали, почему я не хочу сейчас дать показания против людей, которые являлись противниками Фронта. Убеждали, что, дескать, и Пупейка, и Чыгир, и Багданкевич всегда мешали БНФ. Будто бы для лжесвидетельства могут быть какие-то оправдания!.."*

Беспокоясь за судьбу родных, Алесь пообещал "подумать", чтобы затянуть время. Вскоре узнал, что его семья пребывает за границей, и ей ничто теперь не угрожает. Тогда он просто отказался "сотрудничать" предложенным ранее ему образом. После чего Алесю было заявлено недвусмысленно: либо он подписывает лжесвидетельство – либо садится в тюрьму по "тяжкой статье".

Примерно в то же самое время милиция задержала нескольких молодых людей, которые жили в одном с Вечаром районе Минска. Всех Алесь знал в лицо и хоть раз, но видел недалеко от дома. Хорошо не знали друг друга, но при встречах здоровались. Молодых людей обвинили в краже автомашин. Алеся следствие стремилось любыми путями привлечь к этому делу как одного из членов преступной банды. Потом в обвинительном заключении будет утверждаться, что Вечар Аляксандр

Бывший премьер-министр Михаил Чыгир теперь за решеткой... На снимке — сбор подписей за свободу М. Чыгиру.

Алимович, 1960 года рождения, образование высшее, вместе с Куцапалавым А.Н., Карунным А.В., Масаковским Ф.А., Чыжыкавым Ю.А. и Калтовичем Д.А., "действуя в составе устойчивой организованной группы с распределением ролей, имея единое намерение на кражи имущества граждан в особо крупных размерах, в период с марта по май 1996 года тайно совершили ряд краж автотранспорта граждан". Конкретно Вечару инкриминировалось участие в кражах машин 16, 22 и 29 мая. Ущерб, нанесенный им гражданам, по мнению следствия, составлял 134 330 000 рублей.

Перед тем, как отправить Вечара и его "подельников" в следственный изолятор, их продержали в камере временного содержания городского следственного управления неделю. У Алеся должны были исчезнуть следы уколов, у остальных – синяки от побоев. Причем методы воздействия побоями не ограничивались. Одному из "организованной группы" милиционеры выбили глаз, на всю жизнь оставив инвалидом – так добывались "доказательства вины". Другого парня подвергли сексуальному насилию, заставляя подписать нужные следователям бумаги. Оказавшись в СИЗО, подследственные начали отказываться от данных ранее показаний.

Когда А.Вечар отправил в Московский суд столицы жалобу на незаконный арест, ее рассмотрели в отсутствии его самого и его адвоката. Выпускать Алеся из-за решетки никто и не думал: накануне грустно известного референдума огласка попытки скомпроментировать премьер-министра была просто опасна для властей, а молчать Вечар не стал бы. Срок следствия продлевали, но ничего нового в дело уже не вносилось. Даже дата начала суда в последний момент была перенесена с расчетом, чтобы процесс начался после референдума...

Что касается Алеся Вечара, то ни в одном пункте этого дела он не фигурировал как преступник. Доказательств явно не хватало. Не было доказано присутствие Вечара на месте преступлений. В одном из случаев он даже отсутствовал в Минске совсем. Не удалось доказать и предварительный сговор с другими, употребление вместе с ними алкоголя (согласно материалов следствия, машины воровали исключительно в состоянии алкогольного опьянения). При полном отсутствии доказательств вины Алесь Вечар был признан виновным. 15 марта 1997 года Фрунзенский районный суд столицы присудил ему 6 лет колонии.

"*Мне дали больше, чем знаменитому угонщику самолета из Беларуси в Швецию. Ему дали пять лет, он отсидел один,* — отмечает Алесь. – *Меня признали виновным в преступлении из числа особо тяжких, за которые несколько лет ранее был предусмотрен расстрел. Если бы в свое время Кебич этого не отменил, меня могли бы приговорить к расстрелу*".

3 января 1997 года Президиум минского городского суда пересмотрел дело, и в отношении А.Вечара отменил приговор. Мера пресечения оставлена та же, однако постановлено пересмотреть дело в суде в другом составе судей. Такое же решение приняла 17 марта 1998 года судебная коллегия по уголовным делам Мингорсуда. Оба раза в принятых юристами документах отмечается отсутствие доказательств вины А.Вечара. В результате Алесь был выпущен из тюрьмы только в апреле 1999 года – по амнистии...

После выхода на свободу Алесь столкнулся с множеством неприятных сюрпризов. Справку об освобождении ему выдали в колонии УЖ 15/25 немного странную: по словам Алеся, на ней подделана надпись "Паспорт получил" и дважды подделана подпись. Всего этого он на этом документе не писал. Выяснилось, что во Фрунзенском райвоенкомате внезапно исчезли учетные документы Вечара. На запрос юридической консультации Партизанского района, где жил после тюрьмы Алесь, райвоенком А.Кравчанка ответил, что Вечар никогда не стоял на учете, а является ли ликвидатором аварии на Чернобыльской АЭС – "военкомат данных не имеет". Таким образом, Алесь потерял все свои чернобыльские льготы, соответствующее удостоверение ликвидатора, которое он имеет – как бы и недействительно. Без военных документов возникают проблемы с пропиской, получением паспорта и т.д. Как на то, пошли странные просьбы чиновников. Скажем, бывшая жена Вечара, делая ребенку заграничный паспорт, показывает нотариально заверенное письменное согласие отца своего сына. А ей в ответ: "Пусть придет лично и покажет паспорт". К другим, у кого не было проблем с паспортом, таких требований не было. Совпадение?

Напомнил о себе и сахарный диабет, вызванный уколами на следствии. Только после освобождения Алесь Вечар узнал, что еще в начале 1996 года врачи предписывали ему постоянный контроль за уровнем сахара в крови. За все время заключения такого контроля никто не проводил, несмотря на опасность для жизни больного. Возможно, на эту опасность и надеялись те, кто благодаря "бэнээфовцу" Вечару хотел убрать с пути Лукашэнка тогдашнего премьера, руководителя Нацбанка и известного бизнесмена... Алесь пережил тюрьму, а сейчас ему отказал в иньекциях инсулина врач-эндокринолог минской поликлиники №20.

Две недели тому назад Алесь Вечар простился с Родиной. В конце концов ему удалось восстановить некоторые документы, и он уехал в одну из демократических стран мира. Еще в начале 90-х он несколько раз отклонял предложения своих коллег-ученых уехать на многолетнюю работу на Запад.

"*Еще мой дед, беларуский поэт, завещал мне, беларусу, жить и работать в Беларуси. В конце 20-х годов он, главный редактор журнала "Пути коллективизации", за резкую критику "принудиловки" был исключен из партии и лишен возможности работать по специальности. Более 30 лет он скитался по бескрайним просторам тогдашнего СССР, лелея мечту вернуться на Отчизну. В начале 60-х она сбылась – он вернулмя в Минск (а уезжал, кстати, из Менска) всемирно известным биохимиком... Его тоже неоднократно пытались заставить выступить против своих убеждений – лысенковщина, борьба с вейсманизмом-морганизмом для меня не абстракция, а история моей семьи. Не лжесвидетельствуй, и тебе не придется потом объяснять причины, по которым ты это делал...*"

Так сказал в своем последнем слове Алесь Вечар на судебном процессе. Так жил и живет...

Тацяна СНИТКО

Почта

"Я НЕ ПРОЩУ..."

Это письмо было направлено не только по адресу "Вясны-96", но и президента РБ, Генерального прокурора РБ, руководителя группы ОБСЕ в Беларуси, председателя БХК. Мы печатаем его без комментариев (с небольшим сокращением), поскольку то, как обходятся у нас "слуги закона" с людьми простыми описано здесь достоверно...

20 июня 1999 года утром я приехал из Новополоцка в д.Заозерье Лепельского района, где у бабушки на каникулах находилась моя дочь Лена (1982 г.р.), и узнал, что незадолго до моего приезда она была изнасилована одним из местных парней. Все уже знали об этом и ждали меня.

Сразу же с дочерью мы поехали в райцентр Лепель, где обратились в милицию с заявлением об изнасиловании. Заниматься делом стал помощник прокурора межрайонной прокуратуры. Вместе с сотрудниками милиции он беседовал с дочерью, но мне присутствовать при этом запретил, объяснив это тем, что дочь будет стесняться меня. Считаю, что это было нарушением законного права моей дочери пользоваться поддержкой своего близкого в трудные минуты.

Продержав нас почти целый день, помощник прокурора дал дочери постановление о назначении судмедэкспертизы и посоветовал ей не мыться до понедельника (потом выяснилось, что судмедэксперт мог осмотреть мою дочь, так как работал и в выходные).

В понедельник помощник прокурора сказал нам, что с дочерью хочет поговорить сам прокурор. Я к нему приехал не только с дочерью, но и со своим представителем – председателем комиссии по законности Новополоцкого горсовета Л.Саранецким. Секретарь прокурора сообщила, что дочь должна войти одна. Дочь вышла из кабинета через 3-4 минуты почти в бессознательном состоянии. От волнения и обиды ее всю трясло. Видя состояние дочери, я повез ее в больницу. В приемный покой была вызвана "скорая помощь" и врачи – терапевт и психиатр, которые с помощью уколов привели дочь в сознание. Дочь рассказала, что когда она вошла к прокурору и сказала, что хотела бы, чтобы с ней вместе был отец, прокурор набросился на нее: "Может, тебе еще попа позвать?", а потом добавил: "Я тебе сейчас таких сказок могу придумать..." Именно грубость прокурора и вызвала у дочери нервный срыв.

И я, и наш представитель были шокированы поведением Лепельского межрайонного прокурора В.А.Лапцэвича. Кстати, сразу же после дочери мы вошли к нему, но он фактически выгнал нас из кабинета.

Почему с моей дочерью и со мной так обошлись? Более чем за двое суток с момента изнасилования никто даже не допросил дочь. Медэкспертизу задержали. Сорванное белье не нашли. Дело не возбудили. Дочери устроили экзекуцию, а со мной обошлись как с котенком...

Я хочу, чтобы все знали: я не прощу поруганной чести моей дочери. Я требую возбудить уголовное дело и привлечь негодяя к ответственности. Кроме того, прошу строго наказать прокурора – хама, слугу бандитов, а не закона. Если меры не будут приняты, я оставляю за собой право действовать самостоятельно по защите своих прав и интересов.

В.К.КАВАЛЕВСКИ

События Факты Комментарии

(Начало на стр. 1)

30 июня, накануне Дня освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, на беларусскую деревню Микалаевка Светлогорского района (Гомельская область) было совершено нападение "военно-патриотического" отряда "Беркут" из Сургута. 130 человек в униформе (подростки и их воспитатели – ветераны войн в Афганистане и Чечне) имитировали захват деревни карателями, а затем – освобождение. Жители деревни не были проинформированы о проведении "игры", во время которой были использованы дымовые и взрывчатые устройства, газовые баллончики. Во время акции 20 человек было согнано в школу в качестве заложников, подростки врывались в дома мирных жителей, людям заламывали руки, бросали на землю, сквернословили. Над сельсоветом был поднят российский флаг. Финансировал эту акцию предприниматель родом из Беларуси – Анатоль Силивончык. Моральные потери жителям деревни он попытался компенсировать с помощью двух ящиков водки. Участники клуба "Беркут" были задержаны в Бобруйске. Подростков и их воспитателей депортировали с территории Беларуси, а Силивончык попал в СИЗО. Адвокат Анатоля Силивончыка — Вера Страмковская. Во время нападения на деревню Микалаевка были нарушены основные права граждан Беларуси. Стало известно, что участники клуба "Беркут" приехали в Беларусь по приглашению БПСМ – Беларусского патриотического союза молодежи, созданного после прихода к власти А.Лукашэнка и под его патронажем.

В июле стало известно, что эксперты ОБСЕ признали проект нового Избирательного кодекса Беларуси неподходящим "для выборов, которые обеспечили бы демократическую легитимность любой избранной личности или органа". Согласно Избирательному кодексу, который передан сейчас на рассмотрение в Палату представителей пролукашенковского Национального собрания, в Беларуси будут проходить все следующие выборы – от местных Советов до президента, а также референдумы. Всего замечаний, сделанных ОБСЕ, пятнадцать. Среди них – о невозможности проводить досрочные выборы в течение пяти дней с использованием передвижных избирательных урн ("наблюдение за таким видом голосования невозможно"), об опасности положения, согласно которому даже если всего один процент подписей, собранных за кандидата, призан недействительным, то все подписи также считаются недействительными ("кандидатура может быть снята из-за одной недействительной подписи").

В июле адвокат осужденного на два года лишения свободы дважды Героя Соцтруда Василя Старавойтава Вера Страмковская заявила, что ее подзащитный может быть условно-досрочно освобожден из-под стражи. Приговор в отношении В.Старавойтава вступил в силу. Адвокат и ее подзащитный отозвали из Могилевского областного суда кассационную жалобу. Окончание процесса над В.Старавойтавым ускорит начало суда над бывшим министром сельского хозяйства Василем Лявонавым, который уже 18 месяцев сидит в СИЗО по обвинению во взяточничестве. В.Лявонав выступил в независимой прессе с открытым письмом президенту Беларуси, в котором напоминает, что когда он был первым секретарем Могилевского обкома партии, а А.Лукашэнка директором совхоза "Городец" этой области, то он защитил его и не позволил арестовать по известному делу избиения А.Лукашэнка трактористов своего совхоза.

В июле рабочие племзавода "Новый двор" Свислочского района Гродненской области объявили забастовку, которую начали трактористы, отказавшись в самый разгар уборки сена выехать в поле. Трактористов поддержали животноводы. Причина – люди уже 6 месяцев не получают зарплату.

В июле стало известно, что объявлен розыск Юрася Мароза – активиста Витебской Рады БНФ "Адраджэньне", который год назад попросил политического убежища в Чехии.

1-2 июля в Гомеле прошла акция протеста частных предпринимателей, которые торгуют на Центральном колхозном рынке. Акция проведена в знак протеста против решения ликвидировать здесь 1200 торговых мест и вынудить предпринимателей переехать торговать на новый рынок за городом.

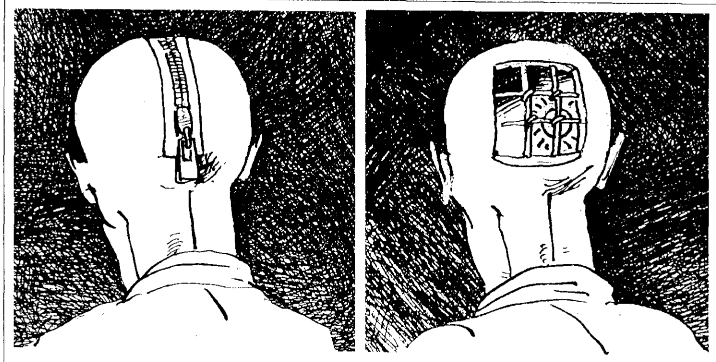
5 июля в интервью "Белорусской газете" Ала Микалуцкая, вдова председателя Комитета госконтроля по Могилевской области Явгена Микалуцкого, сказала, что закрытое проведение суда "по делу Микалуцкого" было неоправданным: "никаких государственных интересов материалы следствия не затрагивали и никаких государственных секретов не раскрывали. Считаю, что суд должен был быть открытым. Может, тогда справедливость победила бы. Возможно, осужденные – бандиты. Их осудили за бандитизм. Не за убийство моего мужа. По материалам следствия они не фигурировали даже как исполнители. На суде я настаивала, чтобы одного из обвиняемых освободили... Заказчики убийства по-прежнему на свободе. А сами осужденные мне сочувствовали. Они смотрели на меня в зале суда через решетки, повторяли: "Мы не виноваты. Мы отсидим и разберемся. Мы найдем настоящих виновных". Ала Микалуцкая была вместе со своим мужем во время взрыва в подъезде их дома 6 октября 1997 года. Она получила значительные травмы и попала в больницу. После смерти мужа она осталась без денег, необходимых на лечение и без надежды на привлечение к ответственности убийц, хотя на траурном митинге во время похорон Я.Микалуцкого президент А.Лукашэнка заявил, что правохранительным органам дается 10 дней на поиск убийц, что вызов преступного мира им принят: "земля будет гореть под ногами у тех, кто преступил закон".

6 июля не приступили к работе рабочие основных цехов АО "Орша". Рабочие собрались около управления завода. Причина забастовки в том, что последний раз зарплату давали за апрель. Руководство завода пообещало выплатить деньги в июле, но на требование повысить зарплату в 2,5 раза не ответило никак.

С 6 июля бастовали рабочие объединения "Мозырьсельстрой" в Наровле. Рабочие не получили еще зарплату за весенние месяцы. При том, что средняя зарплата – 5-10 млн. рублей (примерно 10-20 долларов США). Каждое утро рабочие приходили на территорию предприятия со своими семьями – самому маленькому участнику забастовки еще нет года. Рабочие говорят, что им "уже не на что купить даже хлеба".

7 июля в Гродно несколько сотен сотрудников ГПО "Азот" пикетировали здание администрации завода. Пикет организовывал независимый профсоюз "Азота". Пикетчики требовали повышения зарплат и увеличения количества отпусков в летний период.

8 июля власти Новополоцка запретили проведение траурного шествия, посвященного годовщине трагедии – самосожжения адво-

ката-правозащитника Аляксея Филипчанка около здания городского суда. Напомним, что А.Филипчанка сделал это в знак протеста против попыток властей забрать квартиру у А.Воранавой, которую он защищал... Новополочане были вынуждены провести траурное шествие на месте разрешенного властями пикета – шествие напоминало прогулку заключенных в тюремном дворике. Представители правозащитных организаций — "Вясна-96", "Хартия-97" и Беларусский Хельсинкский Комитет — после окончания пикета возложили цветы на место самосожжения А.Филипчанка и на его могилу.

8 июля в Витебске в межгарнизонном военном суде закончился судебный процесс над Сяргеем Лавейкиным, Алегом Койдавым и Анатолем Близняцовым, которых обвиняли в том, что этой весной они сорвали лукашенковский красно-зеленый флаг со здания Полоцкого райисполкома. Один из молодых людей служит по контракту в армии, и поэтому их судил военный суд. От своих действий ребята не отказались, заявив, что выросли и приобрели социально-политическое сознание под беларусскими национальными (тогда государственными) бело-красно-белыми флагами и не принимают красно-зеленых... Суд признал молодых людей виновными и осудил: С.Лавейкина и А.Койдава к штрафу в 200 миллионов рублей каждого (приблизительно 800 долларов США), а А.Близняцова, который флаг не срывал, так как стоял "на шухере", к 20 миллионам рублей.

8 июля на высоковольтной опоре линии электропередач, которая стоит около шоссе Витебск – Смоленск при въезде в г.Лиозно (Витебская область) появился бело-красно-белый флаг. К флагу была прикреплена траурная черная лента. Таким образом неизвестный "Мирон" (так называет себя человек, который периодически вывешивает бело-красно-белые флаги на Витебщине) отметил 40 дней с дня трагедии на минской станции метро "Немига".

10 июля в минском Дворце ветеранов в полуконспиративных условиях прошел Первый Национальный съезд рабочих. На съезде присутствовали 315 делегатов-рабочих из 42 городов Беларуси, которые представляли 287 предприятий. Рабочие обратились к Лукашэнка с просьбой добровольно уйти в отставку 20 июля. Если он не сделает этого, рабочие обещают начать массовые акции против незаконного захвата власти и диктатуры.

11 июля был запрещен минскими городскими властями разрешенный ранее антифашистский митинг и рок-концерт известных беларусских групп. Поводом для запрещения стало отсутствие паспорта на звукоусиливающую аппаратуру, что будто бы могло привести к пожару. Меж тем, антифашистские акции в Беларуси запрещаются с удивительной закономерностью, в то время как на действия профашистских организаций никто не обращает внимания.

11 июля в одном из санаториев под Лепелем (Витебская область) прошла деловая встреча членов оргкомитета по созданию Союза офицеров Беларуси – общественного объединения, об организации которого заявил бывший министр внутренних дел Юры Захаранка. После внезапного исчезновения Ю.Захаранка (до сих пор его судьба неизвестна) дело создания Союза офицеров подхватили его соратники. Во время встречи были обсуждены задачи новой организации и формы ее сотрудничества с Лигой офицеров милиции.

С 12 июля на Могилевском автозаводе вновь начались забастовки рабочих. Раньше рабочие, поверив директору завода, что зарплата за май будет выплачена в ближайшее время, забастовку приостановили. Но директор, не выполнив обещания, уехал в отпуск. Руководство МоАЗа снова пообещало, что в ближайшее время зарплата будет выплачена. На что рабочие ответили: если снова будет обман, то забастовка станет бессрочной.

21 июля – начало судебного процесса над депутатом Верховного Совета 13-го созыва Андрэем Климавым. 28 июня дело депутата Верховного Совета 13-го созыва Андрэя Климава было передано в Ленинский суд г.Минска. А.Климав содержится под стражей с 11 февраля 1998 года. Его обвиняют в ряде экономических преступлений, но А.Климав виновным себя не признает и утверждает, что его преследуют за критику президента А.Лукашэнка. Находясь под стражей, А.Климав отказывался от участия в следственных действиях, протестуя против нарушения депутатской неприкосновенности.

Поговорили и разошлись...

Реалии нашей жизни

В Минске на проспекте «Известий» года три назад началось строительство. Строили поселок коттеджей. Сейчас он уже заселен и радует глаз жителей Юго-Запада. Строительством занималось акционерное общество «Забудова».

Коттеджи просто шикарные. Мне удалось побывать в середине нескольких из них, и я пришел к выводу: вот так должен жить человек. Правда, не каждый, а тот, у кого нашлись «свободные» 50-100 тысяч долларов. Земля у нас в черте города – дорогая... Вот здесь и переходим к собственно проблеме.

Рядом с коттеджами, за белым бетонным забором находится деревня Дворище. Деревня была колхозная и когда-то входила в состав сельсовета. Поскольку город Минск разрастался, словно пятно нефти на воде, то в какой-то момент деревня оказалась на его территории. Здесь живет много бывших колхозников. Кто помоложе – давно работают в городе, а старики занимаются хозяйством. Это дает (точнее, давало) устойчивую прибавку к скромной колхозной пенсии и позволяло сводить концы с концами. Само собой – если есть животные, то без огорода – никак. Одно без другого не существует. Несколько лет назад в деревне появились какие-то люди, они ходили по огородам и что-то мерили. На вопросы жителей деревни люди отвечали скупо и неохотно: «Строить будем». Далее выяснилось, что строить будут коттеджи и поэтому будут отрезать участки. Сказано – сделано. «Обрезанные» начали было составлять письма в высшие инстанции и собирать подписи, но это ничем не закончилось.

Коттеджи сейчас стоят, огороды обрезаны, люди постепенно привыкли к новому соседству. В веселенькие домики заселились жители, время от времени подкатывают иномарки, из них выходят уверенные сытые люди цветущего возраста – все нормально.

Если разобраться: кто тут и в чем нарушил закон? Никто и ни в чем. Землю под строительство своим решением отвел Мингоисполком. Целиком законно. Дело в том, что у большинства жителей Дворища приусадебные участки были по 40-50 соток, как обычно в деревнях, но в городе это не есть норма. Норма здесь – 15 соток. Так что площадь участков просто привели в соответствие с «общепринятой нормой».

Акционерное общество «Забудова», конечно же, заплатило городу определенные деньги за право на строительство. Обществу, в свою очередь, заплатили заказчики. Таким образом, все всем заплатили. Всем, кроме тех людей, у которых обрезали огороды. Они обижены, но получается так, что их обида безосновательная. Так как землю у них забрали законно. Точнее, согласно нашим законам, которые права собственников не учитывают. Так как, по большому счету, у нас и нет никакой собственности кроме государственной. А поэтому – пусть не радуются те, кто поселился в новеньких коттеджах: дойдут и до них «государственные» руки.

На что могут рассчитывать жители Дворища? Да ни на что, так как земля не является их собственностью. У нас нет частной собственности на землю. Даже фермер когда говорит: «я владею 100 гектарами земли», прошу прощения, врет. По существу, на земле он только орендатор. Конечно, можно передать землю наследникам. Но продать – нельзя. Какая же это тогда частная собственность? К тому же, землю у фермера отобрать легче, чем это кажется. Достаточно ему поссориться с районным начальством, и никакой суд не поможет, так как он прежде всего стоит на охране интересов власти.

Жители Дворища знают это эмпирически, на основе жизненного опыта. Им землю то давали, то отбирали, в зависимости от стратегических целей тогдашнего руководства советского государства. Сейчас в очередной раз отобрали...

И поэтому сейчас в деревне Дворище никто не бунтует... Поговорили и смирились. Первый что ли раз государство у них что-то отнимает...

Сяргей ШАВЦОВ

Аляксей Шыдловски

Восемнадцать месяцев в аду

IV. Валадарка. Минск.

И вот наступил тот день, когда нас с Вадзимом Лабковичем посадили в "столыпин" и этапировали в Минск. "Столыпин" – это специальный вагон, который обычно прицепляется к поездам, которые идут ночью. Вагон целиком металлический, внутри разделен на шесть камер-купе. Полок в "купе" по три с каждой стороны, а не по две, как в обычном вагоне. Сам по себе "столыпин" не такой уже и страшный, но в него же нужно еще попасть. А эта процедура не скорая.

В два часа ночи нас привезли на Жодинский вокзал и высадили просто на снег. Всех пятьдесят заключенных, которые этапировались в тот день, заставили присесть на корточки, положить руки за голову и всматриваться в снег под ногами. Мороз был не менее пятнадцати градусов, и через пять минут такого сидения стало невыносимо холодно, тело онемело. Через десять минут – желание встать и размять кости стало невыносимым. Однако с десяток автоматчиков по сторонам время от времени громко предупреждали: "Шаг влево, шаг вправо – попытка бегства..." и не давали даже пошевельнуться. Через 30 минут стало дурно, тело клонилось в снег... Пока подошел поезд с прицепленным к нему "столыпиным", я чуть не потерял сознание. Еще пять минут – и всех загнали в вагон. В соседнем купе-камере оказались женщины, которые громко пели "таганку" и просили зеков-мужчин показать им член. Охране это не понравилось, и она, угрожая "дубиналами" (резиновыми палками), заставила всех утихомириться.

Путь из Жодино до Минска недолгий, время пролетает быстро. И вот уже повторная процедура сидения на снегу в ожидании "воронка" в половине четвертого утра на станции Минск-Восточный. Заключенных "состригают": кого в Минскую зону, кого на "Володарку", кого в "Навинки".

Нас с В.Лабковичем посадили в один отсек автозека, что дало возможность немного поговорить. Проезжая по центральным улицам, вдоль проспекта, мы непроизвольно вслух вздыхаем: "Во-ля..." Она так близко. И так далеко...

"Володарка" встретила нас тишиной. Полупьяные охранники были сонными и не слишком активничали. По жодинской привычке я сразу отвернулся, уперся глазами в стену и сложил руки за спиной. И тут же услышал сбоку снисходительный смех и вопрос:

— Наверное, из Жодино?

Я повернулся и не поверил своим глазам. Говорил это не мент, а сосед-зек, который стоял спокойно, положив руки в карманы. И при этом на него не сыпались удары охранников, как это было в Жодино.

— Ты отвыкай, здесь режим другой...

Это чувствовалось сразу. За сутки, проведенные в отстойнике до распределения по камерам, многому здесь пришлось удивиться. На вечерней проверке, при входе милиционера, я по привычке вскочил и уже набрал воздуха в грудь, чтобы поздороваться, как заметил, что остальные только подняли головы – засвидетельствовать, что живы. Милиционер молча сосчитал всех и вышел.

Аляксей Шыдловски — советский октябрёнок.

Назавтра меня распределили в камеру № 49. Здесь я в полной мере ощутил разницу между Минским СИЗО и Жодинским.

Во-первых, на "Володарке" сохранен с советских времен институт "наблюдающих" – камеры, корпуса, СИЗО. Обычно это те зеки, которые живут "по понятиям" и считают себя лучшими за остальных. Они руководят в камере всем и всеми и вообще имеют власть большую за милиционеров. В 49-ой камере на момент моего попадания туда было 22 человека на 14 мест – достаточно просторно по сравнению с Жодино. Здесь я впервые увидел процесс "опускания". Один восемнадцатилетний парень Виталь в частном разговоре с "наблюдающими" похвастался, что он на свободе удовлетворял женщину путем орального секса. Он был тут же жестоко избит и отпихнут ногами к туалету, где и сидел потом все время до отправки на зону. В его обязанности входило мытьё туалета. Лизу (новое имя Виталя) ежедневно избивали до потери сознания, а когда ему приходила передача, то половину себе забирали "наблюдающие".

Вообще, ситуация в камере была невыносимой, все время кого-то избивали, а "петухов" (опущенных) через неделю стало уже три. Причем один из них каждый вечер принудительно удовлетворял сексуальные нужды "братвы".

У меня с этой "братвой" отношения не сложились с самого начала, так как по натуре своей я настроен против насилия, уголовщины. Меня в 49-ой камере не полюбили за то, что не прятал своего отвращения к тому, что там делалось. И хотя меня не трогали, я все же сделал острую заточку, которую носил в рукаве, чтобы, если что, было чем отбиваться. Однако меня, кажется, здесь побаивались.

Кстати, может, это и не характеризует общего положения вещей, но двое из четырех "наблюдающих" были русские, и то, что я из БНФ, их особенно злило. То, что делается в камере, наконец стало известно милиционерам, и однажды вечером всех нас сильно избили, а тех двух русских перебросили в другие "хаты". После этого у нас установилась более-менее нормальная атмосфера.

Назавтра меня, избитого накануне, вызвали к адвокату, которая сообщила, что послезавтра – суд. После приговора зек перекидывается в другую камеру. Поэтому я, зная, что через пару дней меня в 49-ой уже не будет, на чистоту поговорил с одним убийцей из Борисова – пожилым мужчиной, который имел негласный авторитет в камере. Я высказал мысль, что все эти законы, которые господствуют на "Володарке", и которых нет в "Черном Аисте", — только усложняют жизнь заключенным. Например, около трети площади камеры находится за так называемым "парапетом". Над этим местом нужно вешать одежду сушиться, готовить себе еду, мыться, чистить зубы. Однако все, что за этим "парапетом" упадет на пол – считается "запарафиненным" и выбрасывается. Бывало, что веревка, на которой сушилась одежда, обрывалась, и тогда всю одежду, которая там висела, приходилось выбрасывать в мусорку! То же происходило с мылом или полотенцем, которые случайно выпадали на пол. "Авторитет" со мной целиком согласился, но сказал, что сейчас ничего изменить нельзя, должно пройти еще очень много времени, пока до большинства это дойдет...

18 февраля нас с В.Лабковичем повезли в суд. Поразило количество охранников: двенадцать человек с собакой и то, что в автозеке нас везли только двоих – все остальное место занимали милиционеры. Примерно в десять часов нас привезли в здание Минского областного суда и посадили в "стакан" (камера, рассчитанная на одного человека). Через некоторое время я заметил, что милиционеры начали волноваться, и раз за разом советоваться с кем-то по телефону. Наконец нас отважились вести в зал заседаний. Уже издали я услышал какой-то гул, который нарастал и усиливался с каждым шагом. Когда же дверь в зал открылись, от увиденного перехватило дыхание. Конечно, ожидали особого внимания к себе, но такого и представить себе не могли! Фото-, телекамеры, диктофоны направлены в нашу сторону, а главное – с добрую сотню человек в зале и значительно больше за его пределами. От скандирования "Жыве Беларусь!" хотелось плакать – так это трогало душу, так придавало сил для дальнейшей борьбы.

Описывать судебный процесс подробно нет смысла – он был довольно широко освещен. Скажу только, что те четыре дня оказали на меня самое сильное впечатление и до сих пор остаются самыми яркими воспоминаниями моей жизни.

(Продолжение следует)

Продолжение.
Начало в №№ 31-34, 36.

Право на свободу. Бюллетень Правозащитного Центра "Вясна-96".
Выходит два раза в месяц на беларусском, английском и русском языках. Тираж 299 экз.
Адрес редакции: 220007 Минск, а/я 88, E-mal:rights@v96.open.by Редактор Алесь БЯЛЯЦКИ.
Перепечатка – только со ссылкой на бюллетень "Право на свободу".

В номере использованы рисунки А. Карповича и фотоснимки из архива Центра "Вясна-96"